

В.В.Лепяхин

ПУШКИН О ЦАРЯХ И ЦАРЕ

По-новому ставится проблема отношения Пушкина к монархии и конкретно к царю Петру I. Подробно анализируются такие произведения, как ода «Вольность», поэмы «Полтава» и «Медный всадник».

Ключевые слова: царь, тиран, монархия, свобода, Александр I, Пётр I, поэмы Пушкина, амбивалентность художественного образа

Государство без полномочного монарха — то же, что оркестр без капельмейстера.
А.С.Пушкин

В начале немного лексической статистики. Словарь языка Пушкина свидетельствует: в своих произведениях поэт употребил слово «царь» 448 раз. Если же брать все слова с корнем «цар-» (царствовать, царёв, царский, царство, царствование, царица, цареубийца и т. д.), то таких слов наберётся более тысячи. Много это или мало? Возьмём наиболее часто употребляемые поэтом существительные: день встречается 1163 раза, душа — 774, милый — 698, любовь — 630, любить — 614, ночь — 546, взор — 322. Таким образом, статистика свидетельствует, что слово «царь» входит в десятку наиболее употребительных слов языка Пушкина и занимает там вместе с однокоренными второе-третье место (после слова день). Царская тема волновала Пушкина на протяжении всей жизни, и поэт посвятил ей немало произведений, отдельных высказываний.

Нельзя не обратить внимания на одно важное литературное и художественно-историческое явление. Пушкин пишет сказки! Разве мало их в русской словесности? Но поэт через сказку, через древние мифы и легенды восстанавливает русскую историю, точнее, воссоздаёт икону русской истории. Историка не следует бояться или стесняться сказок, народных мифов и легенд, не надо их отбрасывать. Надо вылущить из них золотое зёрнышко, которое поможет реконструировать целое.

Пушкин пишет поэму Руслан и Людмила, перелагает в стихи легенду о вещем Олеге. В них воссоздаётся Древняя Русь времён «вещего» князя Олега, равноапостольного князя Владимира. Поэт стремится осмыслить историю через её мифы, легенды, сказания, через то, что в веках сохранила народная память. Это преобразование истории, поиск её истоков. История Руси изображается не как картина последовательных исторических событий, а как икона истории, как икона народной памяти о собственной истории, как живая икона, в которой предельно ясно выявлено действие Промысла Божия, определено место великого князя, царя, монарха.

В ранних поэмах Пушкин как бы отвечает на вопрос: почему народная память сохранила именно эти события и почему именно в таком виде. Здесь он солидарен с Ломоносовым, который критиковал работы немецких историков, заполонивших русскую академию, создававших так называемую „научную“ историю страны, а на деле рисовавшие мифотворческую, вымышленную, псевдоисторическую картину Руси. Почему читатель должен верить гипотезе немецкого «академика», а не Повести временных лет? Сомнительным размышлениям историка-норманиста или современного шведского учёного, а не конкретному тексту [1, с. 246-254]?

Постановка основных проблем русской истории со временем становится в творчестве Пушкина тенденцией, которая получает развитие и в его сказках, и в драмах, и в стихах, и в прозе, в том числе, исторической, и в эпических произведениях. В них поэт создаёт целую галерею русских по своему характеру героев и персонажей, что позволяет говорить о наличии словесной иконы русского характера в творчестве поэта. И второе: уже ранние произведения поэта говорят о поисках закономерностей в русской истории, а значит, о выявлении действия Промысла Божия, который и создал Святую Русь.

А какие исторические фигуры привлекали внимание Пушкина? Известно, характер личности полнее всего проявляется в пограничной ситуации, в истории — это переломная эпоха. Кого мы видим в творчестве Пушкина? Князя Олега — победителя хазар, равноапостольного Владимира — крестителя Руси, Бориса Годунова — предвестника Смутного времени, Самозванца, который думал не о судьбе России, а о личной власти, Петра I — вздёрнувшего Россию на дыбы, Емельяна Пугачёва — другого самозванца, бездарно и бессмысленно погубившего народ, собранный под знамёна лжецаря «Петра III». Пушкин упоминает Калигулу, многократно обращается к образу Наполеона.

Когда речь заходит об отношении Пушкина к царям и царской власти, то обычно (с советских времён и поныне) поэта изображают свободолобивым противником царизма. Для доказательства этого недоказуемого тезиса берётся на вооружение ода Вольность. Что можно сказать об этой, изученной вдоль и поперёк, оде?

Написана она восемнадцатилетним поэтом, наслушавшимся в Лицее лекций Куницына. Посвящена ода прославлению «Вольности святой» [2, с. 283]. Поэт воспевает «Свободу миру» (слова Свобода и Вольность, конечно, с заглавной буквы — [2, с. 283] и хочет поразить «порок на тронах» [2, с. 283]. Обратим внимание: поразить не собственно троны, а порок.

Особенно часто цитируют следующие строчки: «Тираны мира! трепещите!» и «Восстаньте, падшие рабы!» [2, с. 283]. Опять обратим внимание: поэт «угрожает» только тиранам, а не царям. И призывает поэт не к вооружённому восстанию, он призывает встать с колен. А какой идеал предлагает Пушкин? Вот он: с «Вольностью святой / Законов мощных сочетанье» [2, с. 283-284]. Это первое. Второе: Владыки! — обращается Пушкин к царям: «Стоите выше вы народа, / Но вечный выше вас Закон» [2, с. 284]. Итак, идеал Пушкина состоит из двух пунктов: а) со свободой должны «сочетаться» законы (просвещённая монархия), б) но выше царей и земных законов стоит Закон вечный. Евангельский, добавим мы. И как похож этот идеал на Российский герб! Две главы и две короны у орла: государственная и церковная власть. Но над ними третья большая корона — закон вечный, власть небесная, закон Христов. В советское же время дело доходило до того, что в комментариях писали: высший (у Пушкина — «вечный») закон есть закон истории, связанный с законом совести. Судить царей будут История и Время (с заглавной буквы. — В.Л.). Но судьями, конечно же, становились советские историки и литературоведы, вооружённые марксистско-ленинским учением. И судили не по законам истории, не по законам совести, а по законам своего идеологизированного времени. И нам теперь приходится разгребать сии авгиевы конюшни, в которых правда перемешана с ложью.

Итак, уже юный Пушкин предлагал в качестве ограничения власти тиранов (не царей, а тиранов; не случайно он упоминает в стихотворении Калигулу и др.), законы земные и Закон Небесный. В финале он призывает царей: «Склонитесь первые главой / Под сень надёжную Закона, / И станут вечной стражей трона / Народов вольность и покой» [2, с. 287]. Здесь в финале заключена удивительно глубокая мысль: цари призваны даровать такую вольность, такую свободу, чтобы народ искренне и добровольно встал на стражу трона! Это юный Пушкин, однако какая зрелость! Ведь в этом случае, защищая трон, народ защищает свою вольность.

Если понимание Пушкиным призвания монархии не выходит за рамки политической философии того времени, то почему же на оду последовала такая жёсткая реакция — вплоть до ссылки? Мы полагаем, что дело заключается лишь в одной строфе: «Самовластительный злодей! / Тебя, твой трон я ненавижу, / Твою погибель, смерть детей / С жестокой радостию вижу. / Читают на твоём челе / Печать проклятия народы, / Ты ужас мира, стыд природы, / Упрёк ты Богу на земле» [2, с. 284]. Прочитываем строки обращены к Наполеону, но Александр I и его двор увидели в этих строках и намёк на царя. Особенно сильным обвинением прозвучала следующая строка: «Упрёк ты Богу на земле».

Пушкин, надо сказать, был несправедлив к Александру. Главную роль в этом сыграло господствовавшее в то время убеждение, что Александр принимал непосредственное участие в убийстве родного отца. Но, конечно, нельзя не заметить, что Пушкин вкладывал в своё отношение к Александру и личную неприязнь. Всё же заметим, что в данной строфе оды даётся не столько образ Наполеона или Александра I, сколько обобщённый образ тирана-злодея.

При анализе оды Вольность нельзя не обратиться к проблеме понимания самого слова «вольность». Можно говорить, по меньшей мере, о двух пониманиях свободы (нередко говорят о трёх и более). Воля («воли мне мало», — говорит пушкинский Пугачёв) как вседозволенность, особенно, если Бога нет (Достоевский) и воля, свобода как ответственность перед ближним и Богом, который есть источник всякой истинной свободы. И тогда воля-свобода состоит в стремлении познать Промысл Божий и действовать в синергии с ним. В оде Вольность сказались и юношеское увлечение французскими энциклопедистами, западным обманчивым пониманием свободы (свобода, равенство, братство), и личное неприязненное отношение к Александру I. Но вместе с тем поэт говорит о «Вольности святой» [2, с. 283]. Советское литературоведение утверждало, что поэт настолько высоко ставил свободу, что писал слово с большой буквы и называл её святой. Но из контекста стихотворения очевидно, что поэт имеет в виду вольность, которая находится в гармонии с «законом вечным», то есть со Священным Писанием, со Христом. «Познайте истину, — призывает всегда, ныне и присно Господь, — и истина сделает вас свободными» (Ин. 8: 32). Только такая вольность-свобода, вытекающая из Истины, может стать «стражей трона». Ей противопоставлена другая воля: воля Алеко, Пугачёва, Самозванца. «Ты для себя лишь хочешь воли», — говорит старик, отец Земфиры, обращаясь к Алеко [3, с. 168], и как бы ставит печать на этом ложном понимании свободы как своеволия и вседозволенности.

Такой краткий анализ оды находится в противоречии и с работами советских литературоведов, рисовавших неестественный образ поэта — борца против царизма, и с более поздними постперестроечными работами, в которых с позиций монархизма утверждается, что эту оду можно «простить» поэту, как грех молодости, ведь она написана в юношеском возрасте. Повод для таких мнений дал сам поэт в небольшом произведении, озаглавленном исследователями следующим образом: Воображаемый разговор с Александром I. В нём, в частности, поэт говорит царю: «зачем упоминать об этой детской Оде?» (курсив мой. — В.Л.). Итак, оду Вольность Пушкин называет «детской», что не совсем верно. Вместо неё он предлагает Александру прочитать третью и шестую песнь Руслана и Людмилы, первую часть Кавказского пленника, Бахчисарайский фонтан. Именно там надо искать истинное отношение поэта к царю, к самодержавию. Далее Пушкин отмечает, что многое приписывают ему в силу его популярности. Наконец, недоброжелатели многое берут из его частных юношеских писем, берут «школьную шутку», а преподносят её как публичное выступление, как «всенародную проповедь».

Мы считаем, что Пушкин всегда оставался Пушкиным. Не надо ему ничего «прощать». В восемнадцать лет он написал зрелое произведение, в котором выразил своё отношение к монархии, свои представления об идеальной монархии. Его личное отношение к Александру I не относится к сути идеи, к концепции,

выраженной в оде Вольность, и нисколько не умаляет значение данного произведения в творчестве Пушкина, в его духовной биографии.

Пушкин был удивительно вдумчивым историком. Его отношение к Петру I менялось в течение жизни, что легко проследить по двум поэмам — Полтаве (1828) и Медному всаднику (1833). Первая поэма носит следы романтизма, но реализм в ней пробивается уже мощной струей. Романтичен и образ царя Петра, особенно если речь идёт о сражении. Опять, как в оде Вольность, Пушкин включает в образ царя «вдохновение свыше»: «Тогда-то свыше вдохновенный / Раздался звучный глас Петра: / “За дело, с Богом!” Из шатра, / Толпой любимцев окружённый, / Выходит Пётр. Его глаза / Сияют. Лик его ужасен. / Движенья быстры. Он прекрасен, / Он весь, как Божия гроза» [3, с. 213].

Образ царя приобретает противоречивые черты: он прекрасен как царь, осенённый помощью свыше, он восхищает, и он ужасен для врагов как человек, как полководец, как царь, готовый принести себя в жертву. Ужасный лик не мешает общему впечатлению: в целом царь — прекрасен. И, главное: Пётр совершает дело Божие: он вдохновлён свыше, он призывает Бога («За дело, с Богом!»), он являет собой Божию, а не земную грозу: «И он промчался пред полками, / могущ и радостен как бой» [3, с. 214].

В этих строках чувствуется влияние русской иконописи. Многие святые изображаются на конях. Однако одной из популярнейших икон стал на Руси образ Архистратига сил небесных и земных архангела Михаила. Пётр в изображении Пушкина чувствует себя таким небесно-земным предводителем.

Поэт вносит в образ царя важную заключительную черту: победитель Карла по-царски относится к своей победе: «Пирует Пётр. И горд и ясен / И славы полон взор его, / И царской пир его прекрасен. / При кликах войска своего, / В шатре своём он угощает / Своих вождей, вождей чужих, / И славных пленников ласкает, / И за учителей своих / Заздравный кубок поднимает» [3, с. 216]. Здесь нельзя не обратить внимания на строку: «И царской пир его прекрасен». Как сам царь был прекрасен в бою, так прекрасен он и в пиру. Повтор важного эпитета соединяет Петра архистратига и Петра-победителя — великодушного царя в мирное время.

Насколько отличается образ Петра в Медном всаднике? Является ли он продолжением Петра Полтавы? Если в Полтаве Пушкин воспеваёт полководца, очень много сделавшего для защиты и воинской славы России, то в Медном всаднике он ставит другой вопрос: какой ценой это сделано? Если в Полтаве мы видим в некотором смысле идеального царя — великого полководца и великодушного победителя, то в Медном всаднике перед нами преимущественно тиран. Конечно, в нём остались царственное величие, воля, мощь, зоркий ум. Однако здесь мы опять (после оды Вольность) видим характерное для Пушкина противопоставление царя и тирана. Если в Полтаве вольность действительно встала на страже трона, то в Медном всаднике вольность отнята, и «маленький человек», сознавая своё бессилие, не перестаёт грозить, угрожать тирану, которого считает виновником всех своих бед. Если в Полтаве амбивалентность образа Петра естественна (ужасное и прекрасное сочетаются), то в Медном всаднике величественный тиран выступает как медный истукан, как «кумир на бронзовом коне». Пушкин словно бы хочет сказать, что тирания неизбежно ведёт к идолопоклонству. Если в Полтаве «ужасный» образ Петра вызывал восхищение и звал за собой на битву, то во Всаднике бронзовый кумир — тоже ужасный: «Ужасен он (кумир. — В.Л.) в окрестной мгле» [3, с. 286] — вызывает лишь страх, который убивает в человеке память о том хорошем, важном и нужном, что сделал Пётр за время своего царствования. Мало того, медный всадник преследует «маленького человека» и в воображении, и реально. «Горделивый истукан», отлитый в бронзе входит в живую жизнь и продолжает тиранить человека.

В чём же вина Петра? В том, что он, не жалея подданных, основал в гиблом месте новый город? Что он не предвидел возможность наводнений? Пушкин отвечает утвердительно: «роковой волей» Петра «под морем город основался».

Два образа царя не во всём, но противопоставлены поэтом. Это подчёркнуто и описанием коня: под Петром в сражении и под кумиром памятника. В Полтаве читаем: «Идёт. Ему коня подводят. / Ретив и смирен верный конь. / Почуя роковой огонь, / Дрожит. Глазами косо водит / И мчится в прахе боевом, / Гордьясь могущим седоком» [3, с. 214]. Здесь поэт подчеркнул единство, гармонию между конём и всадником, конь не только понимает важность момента, но он «гордится» седоком. Совсем другую картину рисует Пушкин в Медном всаднике: «Куда ты скачешь, гордый конь, / И где опустишь ты копыта? / О мощный властелин судьбы! / Не так ли ты над самой бездной / На высоте, уздой железной / Россию поднял на дыбы?» [3, с. 286]. Здесь конь — «гордый», но он подчиняется седоку, его силе и воле, нет и речи о взаимопонимании седока и коня, конь не знает, где опустит копыта. Мало того, конь в последней строке сравнивается с Россией. Не коня, а саму страну, своих подданных царь-кумир, царь-истукан железной уздой поднял на дыбы. Не случайно здесь и выражение «поднять на дыбы», вызывающее в памяти дыбу — орудие пыток и казни. Сравнение Петровых государственных свершений с орудием казни смягчается вопросом: «Не так ли?..» При этом ответ напрашивается сам собой: Так, так...

Противопоставлены ли эти два образа у Пушкина? На первый взгляд, да! Однако Пушкин не был бы Пушкиным, если всё оказалось так просто. Скорее надо думать о том, что поэт ещё раз поставил давнюю проблему, которую предельно остро обозначил позже Достоевский: стоит ли будущая гармония (и все достижения государства — политические, экономические, международные) слезинки хотя бы одного замученного ребёнка? На это вопрос, как показывает время, каждый отвечает сам для себя и сам за себя. И Пушкин не отвечает, а лишь правильно ставит вопрос.

Итак, образ Петра амбивалентен. Он европеец и исконно русский человек. Жестокий и великодушный. Простой в общении и нетерпимый к людям. Любящий отец и косвенный сыноубийца. Лояльный ко всем религиям и православный, хорошо знающий богослужение. Царь на троне и работник на верфи («На троне вечный был работник»). Сын России, любящий Отчизну, но vzdымающий её на дыбу. Любящий народ, но не считающийся с человеческими потерями как в военное время, так и в мирное, например, при строительстве Петербурга.

Мы говорили только о двух поэмах, поскольку в них созданы наиболее яркие образы царя, но следует учесть и Арапа Петра Великого и материалы царствования Петра, которые собрал Пушкин для своей «Истории Петра I». И тогда его мнение о монархии и русских царях ещё более усложнится. Естественно, обретёт новые важные черты и образ Петра. Перед нами предстанет Пётр — государственный деятель и Пётр- человек в семейных отношениях и в быту. Итого, как минимум четыре образа Петра создал Пушкин. Изучение двух последних образов — тема следующей статьи.

В заключение два слова об отношении Пушкина к демократии, ибо всё познаётся в сравнении. Одно из высказываний поэта сохранил Гоголь. Оно стало эпиграфом данной статьи. Другое суждение находим в статье Пушкина «Джон Теннер». Поэт замечает относительно Уложения Северо-Американских Штатов: в нём «с изумлением увидели демократию в её отвратительном цинизме, в её жестоких предрассудках, в её нестерпимом тиранстве. Всё благородное, бескорыстное, всё возвышающее душу человеческую — подавленное неумолимым эгоизмом и страстию к довольству...» [4, с. 298]. Итак, либо царь, полномочный монарх, который руководится волей Божией, либо оркестр без капельмейстера, то есть демократия, которая неизбежно стремится ограничить и разрушить монархию: вначале через конституционную монархию, затем через парламентскую. Это ступеньки, которые ведут сначала к президентской, а потом парламентской республике. И здесь начинается разгул «свободы», полное отрицание воли Божией и Промысла Божия в управлении государством, ответственность перекладывается на массы, человеческое и только человеческое своеволие ставится во главу угла, а заканчивается такая «вольность», такие «свобода-равенство-братство» новой тиранией. Это было ясно поэту ещё в далёком 1836 году. Мудрый Пушкин поэтому никак не мог быть свободолобивым борцом против царизма, против монархии.

1. Грот Л.П. Норманизм о древнерусских именах // Варяги и Русь. Сборник статей и монографий. М.: Русская панорама, 2015. С. 246-254.
2. Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. I. Л., 1977. 480 с.
3. Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. IV. Л., 1977. 448 с.
4. Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. VII. Л., 1978. 544 с.

References

1. Grot L.P. Normanizm o drevnerusskikh imenakh [Normanism about Old Russian names]. Coll. of papers "Varyagi i Rus". Moscow, 2015, pp. 246-254.
2. Pushkin A.S. Full coll. of works in 10 vols, vol. I. Leningrad, 1977. 480 p.
3. Pushkin A.S. Full coll. of works in 10 vols, vol. IV. Leningrad, 1977. 448 p.
4. Pushkin A.S. Full coll. of works in 10 vols, vol. VII. Leningrad, 1978. 544 p.

Lepahin V.V. Pushkin on tsars, the tsar and monarchy. The article is re-examining in new ways the relationship of Pushkin towards the monarchy and especially Peter I. Some of his works such as the Ode to Liberty, Poltava and The Bronze Horseman are analyzed in details.

Keywords: tsar, tyrant, monarchy, freedom, Alexander I, Peter I, Pushkin's poems, ambivalence of the literary figure.

Сведения об авторе. Валерий Владимирович Лепяхин — д. филол. н. (10.01.01 — русская литература), проф. каф. русской филологии Сегедского университета (Венгрия); lepahin@mail.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 20.02.2019. Принята к публикации 20.03.2019.